

«Московский комсомолец».

Петухов В. В., директор по исследованиям ВЦИОМ. Из выступления на круглом столе в Московском центре Карнеги.

Ёжик в тумане

Средний класс в России: не было и не будет?

Валентине Ивановне Рыбкиной 48 лет, она преподает физику в саратовской школе, получает ежемесячно 120 долларов и считает себя типичным представителем среднего класса. Валерию Махнову — 32. Он, что называется, “селф мэйд мен”: высшего образования не имеет, но зато у него есть небольшой бизнес, приносящий доход около 1000 долларов в месяц. “Конечно, я — средний класс, — уверенно говорит Валерий. — А кто ж еще? Уж не богатый и не нищий — это точно!”

Поиски среднего класса в России превратились в навязчивую идею. Ищут ученые, ищут политики... Но найти ничего определенного пока не могут. Вопрос, сколько их, “средних”, по-прежнему остается открытым. А значит, власть не может быть уверена ни в успехе нынешних реформ, ни в реальности своих прогнозов на будущее.

Битва за показатели

Средний класс в России пытаются отыскать с середины 90-х годов. Первые попытки нащупать важную в социальном и экономическом смысле прослойку относятся к президентским выборам 1996 года, когда власть схлестнулась с мощной “левой” оппозицией. Чиновники настаивали: средний класс в России есть. А это значит, что, несмотря на болезненные реформы, первые 5 лет правления Ельцина были в целом успешными. Коммунисты доказывали, что средний класс в России, напротив, практически уничтожен — это и есть основной результат правления “антинародного режима” Ельцина.

Самое интересное, что и те, и другие по-своему правы. Оценка судьбы среднего класса зависит исключительно от выбранного критерия. Это на Западе все признаки “середнячков” взаимосвязаны: хорошее образование гарантирует человеку высокую конкурентоспособность на рынке труда и как следствие — высокие доходы. У нас диплом педагогического вуза обеспечит выпускнику разве что жареную картошку и кусок хлеба на ужин. Зато люди, с трудом окончившие 8 классов, могут позволить себе разъезжать на “Мерседесах”. Наш средний класс, как и саму Россию, “аршином общим не измерить”.

Часть социологов основным критерием считает материальное благосостояние. Неважно, где ты учился и что думаешь о творчестве Шагала, главное — сколько ты получаешь и как расходуешь имеющиеся средства. “Джентльменский” имущественный набор представителя среднего класса — хорошая квартира или дом, машина, вся необходимая бытовая техника, наличие сбережений, отпуск за границей, дети в платной школе и т.п.

Чтобы позволить себе все вышеперечисленные радости, человек должен обладать суммой от 10 до 20 тысяч \$ на семью ежегодно. Таких, уверяют социологи, в стране не более 3 млн. семей, или всего 6% населения.

Понятно, что власти такой чисто экономический критерий определения численности среднего класса категорически не устраивает. Уж слишком ничтожный в масштабах страны получается результат! В исследованиях федеральных институтов главный упор делается на социально-профессиональный статус, а имущественный ценз сознательно занижается.

Так, например, Федеральная служба госстатистики относит к среднему классу семьи с душевым доходом 100—130 долларов в месяц. Это уже совсем иной уровень материального благосостояния, а в Москве — и вовсе смешные деньги. С такой зарплатой москвичи еле-еле сводят концы с концами, и уж конечно, не могут позволить себе жить по общепринятым для среднего класса стандартам. Однако нехитрые манипуляции с цифрами позволяют службе госстатистики существенно улучшить показатели независимых экспертов: согласно последнему отчету государственных статистиков, к среднему классу в России относится примерно 20% населения.

Но и это, оказывается, еще не предел! Социолог Владимир Петухов считает (и в этом с ним

соглашаются многие коллеги), что главным критерием классовой принадлежности должна быть самоидентификация. Если сам человек считает себя “средним”, то никто, включая государство, не может навязывать ему свои стандарты оценки. “В России есть 10% супербогатых и 10% супербедных, — рассуждает Петухов, — а остальные 80% почти ничем друг от друга не отличаются”. До кризиса 1998 года средним классом сами себя называли более 50% граждан. В 1998—1999 — 30%. Сейчас оптимизма у народа прибавилось, и мы снова вышли на докризисный уровень.

Какой из вышеназванных оценок придерживаются в Белом доме, стало ясно после опубликования “Программы социально-экономического развития России на 2005—2010 годы”. Одной из главных задач в этом документе названа борьба с бедностью и, как следствие, рост прослойки среднего класса с нынешних 20% до 50—60%. Все эти люди, по мысли чиновников, будут иметь доход, в 6 раз (!) превышающий прожиточный минимум.

Мода на миди

Итак, средний класс у нас есть. И хотя его количество пока не поддается единодушной оценке, начиная с 2000 года его пристально исследуют и описывают. США и Европу российский средний класс интересует по той же самой причине, что человекоподобные обезьяны: хочется поближе узнать свое далекое прошлое. Для России это не только любопытно, но и принципиально важно.

Быть богатым хорошо прежде всего для самых богатых. Быть бедным — одинаково стыдно и для государства, и для человека. Ну а средний класс во всех теориях выступает прямо-таки спасителем Отечества. Как русская женщина — и коня на скаку остановит, и в избу горящую войдет, и на пути социальной нестабильности костями ляжет.

Социологов не смущает, что они сами приписывают среднему классу противоположные черты. С одной стороны, он выступает проводником реформ, а с другой — их прямым наследием. Это сила, которую следует всячески активизировать, и одновременно широкая платформа, на которую можно опереться. “Возникает образ социальных слоев, которые смогут буквально все и сразу, — указывает московский социолог Вадим Радаев. — Налоги заплатят по высшей мере и одновременно поднимут эффективный спрос на потребительских рынках, разовьют собственный малый бизнес и обеспечат прилив желанных инвестиций. Вдобавок и проголосуют за нужные политические фигуры”. Что здесь миф, а что правда — разобраться совсем непросто.

Источником практических сведений о представителях среднего класса в России служат исследования под общим названием “Стиль жизни среднего класса”, которые РОМИР-мониторинг совместно с журналом “Эксперт” проводят уже в течение 5 лет. В ежегодных опросах участвуют около 4000 семей в 20 крупных городах страны, включая Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень, Саратов и т.п. В качестве основного критерия отбора авторы исследования избрали самый очевидный — уровень доходов. Причем, в отличие от Федеральной службы статистики, средними признаны люди, имеющие достаток более 250\$ в месяц на члена семьи. А в Москве — 350\$.

Фейс-контроль и дресс-код

В США и Европе представителям среднего класса традиционно приписывают несколько основных качеств. Но в России пока не все они равноценны.

Активный потребитель. Сберегателем среднего русского можно назвать с большой натяжкой. Ведь его денежные накопления равны полугодовому доходу семьи (приблизительно около 6 тысяч долларов), причем большинство этих денег по традиции лежит в кубышке под матрасом. (Для сравнения: в США накопленные средства граждан вчетверо превышают их годовой доход!)

Средний русский не жалеет денег на еду и одежду, а также на товары “не первой” необходимости. Причем, чтобы удовлетворить свои растущие потребности и даже откровенные капризы, 20% берут потребительские кредиты. Отложенные средства большинство представителей среднего класса впоследствии тратит на отдых и путешествия. Многие отдыхают по два раза в год — зимой и летом, причем за границей. Летом ездят в Турцию, зимой в Египет. Горными лыжами увлекаются лишь те, чей месячный доход переваливает за 1000 долларов (так называемый “верхний средний класс” численностью около 1 млн. чел.): все-таки этот вид спорта позиционируется в России как отдых для богатых. Кроме того, деньги копят “на всякий случай”, “на покупку мебели”, “на квартиру”, “на образование” и “на автомобиль”. Кстати, ожидается, что в

2005 году среди представителей среднего класса будет “бум” на автомобили среднего класса: машина, о которой раньше можно было только мечтать, станет доступнее благодаря выгодным условиям кредита. Чего, увы, пока нельзя сказать о жилье.

Успешный предприниматель и карьерист. Времена, когда “средний класс” отождествлялся с понятием “собственный бизнес”, после “революции менеджеров” канули в Лету. И все-таки в России число наемных сотрудников среди его представителей несколько выше, чем на Западе. Собственный бизнес, как показывают исследования, имеют 15% опрошенных. Однако плох тот “середняк”, кто не хочет стать настоящим капиталистом. О собственном бизнесе для себя мечтают 68% нынешних наемных работников, для детей — более 80%.

Представителям среднего класса проще пожертвовать общением с друзьями, чем успехом и карьерой. Подавляющее большинство может выйти на работу в субботу, “если это нужно для дела” и “поможет карьерному росту”.

Разумный инвестор. А вот с инвестициями пока не очень. Средний русский не следит за котировками акций и почти ничего не знает о состоянии дел на биржах. Он даже к банкам относится с подозрением. 72% опрошенных заявили, что прибегают к их услугам, лишь когда надо платить за квартиру. 48% меняют там валюту. 24% получают деньги на карточки, и подавляющее большинство в тот же день снимает все до копейки. Лишь от 5% до 12% (в сегменте тех, кто имеет более высокие доходы) осуществляли операции с депозитами.

Что касается призывов банков самим накопить себе на старость, представители среднего класса их полностью проигнорировали. Если в Западной Европе услугами банков и фондов пользуются от 30% до 60% населения, то в России 0,001% и меньше. Любопытно, насколько они непритязательны. Респонденты, чей доход составляет 200\$ на члена семьи в месяц, хотели бы получать пенсию в размере 215\$, а те, чей текущий доход вчетверо выше — 800\$ — всего 390\$. Ну да ладно, до старости еще далеко: как показывают опросы, российские представители среднего класса — мужчины и женщины в самом расцвете сил. И больше всего они хотели бы инвестировать в улучшение собственных жилищных условий.

Хотели бы, но пока не могут. Ни по схеме долевого строительства (когда жилье покупается по более низким ценам на стадии котлована), ни при помощи ипотеки. В этом, кстати, одно из основных отличий российского среднего класса от западного. Там “середняки” тоже не могут самостоятельно профинансировать покупку жилья. Но работает ипотека. В Испании, например, более 90% квартир покупаются при помощи банковских кредитов. У нас только 5%. Больше половины представителей российского среднего класса заявляют, что воспользуются ипотекой, если процентная ставка опустится до 6—7%. Но когда это будет, спрогнозировать пока трудно.

Убежденный демократ. Любопытно, как представители среднего класса ответили на вопрос, заданный в ходе исследования ИКСИ РАН: “В каком обществе вы хотели бы жить?” Было предложено всего два варианта ответа: общество индивидуальной свободы и общество социального равенства. За первый высказались 37% опрошенных, за второй — 39%. Казалось бы, ничего неожиданного. Однако если сравнить эти результаты с ответами остальных респондентов, то разница сразу бросается в глаза. За общество социального равенства высказались 56% представителей других социальных слоев, за общество индивидуальной свободы — только 19%.

Главенствующая национальная идея среднего класса — сильная Россия и либерализм. Государство, в котором не попираются основные демократические ценности, а с политическими оппонентами спорят, а не сажают в тюрьму. Около половины опрошенных РОМИР — сторонники демократии по образцу Западной Европы, и только 12% импонируют США.

Гарант политической стабильности. Хотя в России на данный момент нет политической партии, выражающей интересы среднего класса, а протестные настроения очень сильны (порядка 26% “средних” на прошлых выборах голосовали против всех), на улицы идти никто не собирается. Даже если жить станет хуже, к демонстрациям, митингам, голодовкам, вооруженным восстаниям и другим формам протеста внутренне готовы только 15% опрошенных. Большинство будет искать дополнительные источники заработка. Впрочем, в случае появления в России конструктивной оппозиции политика, возможно, всерьез заинтересует представителей среднего класса, о чем наглядно свидетельствует недавний опыт Украины. В оранжевых палатках на Майдане было немало предпринимателей, офис-менеджеров и программистов.

Новые жертвы реформ?

Портрет типичного представителя российского среднего класса нарисовать нетрудно. У него мужское лицо. Ему от 30 до 40 с хвостиком лет. По профессии он с большей степенью вероятности является менеджером, юристом или журналистом, чем квалифицированным рабочим или

преподавателем гимназии. У него есть отдельная квартира, машина, жена и двое детей. Он старательно делает вид, что в его жизни, все о'кей, хотя на самом деле его будущее неопределенно и весьма туманно.

Это на Западе представители среднего класса спят и видят, как стать богатыми. У нас — думают, как бы не стать бедными. А такая перспектива вполне реальна.

Президент велел бороться с бедностью. МЭРТ ответил: “Есть”. Правительство обещает, что через 10—15 лет прослойка среднего класса вырастет в 3 раза за счет тех, кто сейчас чуть-чуть не дотягивает до заданных службой госстатистики стандартов. А способствовать этому будет экономический рост.

Увы! Пока теория МЭРТа не подтверждается практикой. Предыдущие два года (очень успешные для российской экономики!) показали: бедных меньше не становится, средний класс не растет. В 2004 году доходы в среднем по стране выросли на 9%. А у бедных — только на 2%. Если бы зарплаты и пенсии не индексировали, эти люди окончательно скатились бы в пропасть нищеты. С помощью выплат и прочих соцпрограмм государство способно лишь поддерживать их нынешний имущественный статус, но как решить проблему бедности, оно не знает.

Зато уже анонсированы другие реформы — ЖКХ, здравоохранения и образования. Богатых это не коснется. Они уже давно сами оплачивают содержание частных домов, обучение детей в элитных школах и медуслуги. Бедных ждут очередные льготы и субсидии. А вот среднему классу не позавидуешь. Именно ему придется заплатить за социальные преобразования, задуманные чиновниками. “Если 3 реформы пройдут одновременно, это может стать тяжелым ударом для среднего класса. Ведь все они предусматривают расширение платности услуг”, — рассуждает автор книги “Средние классы в России” экономист Татьяна Малева.

Когда содержание двухкомнатной квартиры будет обходиться в 4 тысячи рублей, обучение ребенка в детском саду в 3 тысячи, а прием терапевта в 500, удержаться в среднем классе с доходом 520 долларов на семью из четырех человек будет весьма затруднительно. “Может статься, что через 5 лет будет не 20% среднего класса, а 10%”, — прогнозирует Малева.

Логика властей совершенно не ясна. Или мы создаем средний класс, или проводим жесткие реформы, фактически направленные на его уничтожение. В один присест и рыбку съесть, и на елку влезть, увы, не получится.

Московский Комсомолец, от 13.04.2005

Новый общественный запрос среднего класса

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. Средний класс и трансформация общественного запроса

Рассмотрение проблемы трансформации общественного запроса невозможно, на мой взгляд, без учета тех изменений, которые происходят в обществе, а именно без учета того факта, что в России быстрыми темпами формируется средний класс, достигая по разным оценкам от трети до половины населения страны.

«Срединные слои», безусловно, не монолитны в социальном смысле, да и в политическом и идеологическом тоже. Тем не менее, уже отчетливо просматриваются некоторые типичные черты, свойственные нарождающемуся массовому сословию российских буржуа, которое в аморфном, неструктурированном «срединном» большинстве начинает играть все более заметную роль.

Это, прежде всего, сравнительно невысокий интерес к политике, отчетливо выраженная направленность на частные интересы и индивидуальную самореализацию, конформизм. Отношение к власти скептическое, а иногда и негативное. Однако большинство представителей этих слоев устраивает В. Путин и то, как в целом идут дела в стране. Есть, конечно «болевые точки». Это – проблема бедности, поскольку многие из тех, кто причисляет себя к средним слоям,

в действительности балансируют, что, называется, на грани. Поддерживая идею «капитализма без олигархов», бюрократию, однако, не любят еще больше, чем олигархов. Примерно, такое же отношение к «национальному вопросу» – негативное отношение многих к неконтролируемой миграции в российские города граждан бывших южных республик СССР и, одновременно, боязнь возникновения конфликтов на межнациональной основе. Впрочем, это относится ко всем группам и слоям российского общества. Брюзжание на «кухнях» по поводу «засилья инородцев», сопровождается, тем не менее, согласием 69% опрошенных (против 18%) с необходимостью ужесточить законы против разжигания межнациональной розни.

Важно учитывать, что новые российские буржуа – это миллионы людей со своими привычками, пристрастиями, мировоззренческими установками. Отчетливо видно, что на обслуживание интересов этих групп работает вся индустрия развлечений, книгоиздания, туризма, не говоря уже о телевидении и кино. Понятно, что «виртуальный» образ жизни нового сословия, который все настойчивее презентуется через глянцево-электронные и печатные СМИ всему обществу, симпатичен далеко не всем россиянам. Та бурная реакция, последовавшая за скандалом вокруг Киркорова, свидетельствует о наметившемся серьезном социокультурном расколе, который к тому же приобретает черты поколенческого раскола между остатками интеллигенции и воспитанных уже на образцах массовой культуры новых «средних русских».

В частности, постепенное сокращение информационно-аналитического вещания на центральных каналах – это отнюдь не только «козни» властей. Как показал июньский опрос ВЦИОМ, за такое сокращение в пользу развлекательного вещания высказалось 46%, против – ровно столько же. При этом развлекательное телевидение, как и следовало ожидать, предпочитает молодая, «продвинутая» часть аудитории. Соответственно, каналы, за которыми отчетливо маячат рекламодатели, не могут этого не учитывать. И сегодня то, что происходит на НТВ, лишь завершение процесса, давным-давно запущенного на других центральных каналах.

Думается, что это лишь только начало более серьезного конфликта, который во все большей степени перемещается из сферы политики и идеологии в сферу культуры в широком смысле, включая разное отношение к жизненным стратегиям, пониманию успеха и т. п. Возможно, новый общественный запрос и будет сфокусирован, прежде всего, на стыке ценностных установок, выбора моделей «жизнестроительства», разных вариантов социальной мобильности и достижения успеха.

Пока, как показывают все опросы, у этих групп населения ситуация в стране не вызывает особого беспокойства. Также, как и не вызывает особого интереса проблема «монетизации» льгот, пенсионного обеспечения. Тем не менее, нельзя считать, что политический нейтралитет этих слоев носит безоглядный характер и будет сохраняться при любом развитии событий. В условиях, когда резко возрастает ценность частной жизни, власть должна быть особенно аккуратна в своих социальных инициативах, затрагивающих интересы, в том числе, и людей, которые только-только что называются «выбились в люди». Это касается, прежде всего, проблем в сфере образования, социальной мобильности, карьерного роста, жилья, материального достатка и т. д.

2. Изменения мировоззренческих, идеологических установок

Было бы неправильным считать, что у россиян полностью атрофирована потребность в идеологической и политической идентификации. Вовсе нет. Но она носит «фоновый» характер, не всегда сопрягаясь с конкретными обстоятельствами и условиями бытия.

Так, как показывают наши исследования, россияне ничего не имеют против рыночной экономики и демократии. Одновременно их категорически не устраивала и не устраивает идеология, а главное, практика «построения капитализма» в России. Впрочем, прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям «левой идеи» («СССР», «коммунизм», «революция» и т. д.), что свидетельствует о том, что и опыт «построения социализма» в России видится отнюдь не в ностальгических тонах. Это, в частности, выяснилось в ходе мартовского опроса ВЦИОМ, когда респондентам было предложено выбрать из 40 понятий, терминов не более 10-ти, которые вызывают у них наиболее позитивные ассоциации. Наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как «либерализм», «коммунизм». В числе же наиболее позитивно оцениваемых были отмечены «порядок» (61%), «справедливость» (53%) и «свобода» (43%). Россияне рассматривают их, в отличие от многих аналитиков, не как конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной

степени важные и необходимые для нормальной жизни не только страны в целом, но и отдельно взятого человека.

Интересно и то, что факторный анализ списка понятий и терминов, представляющих собой основную ценностную палитру современного российского общества, с достаточно высокой степенью определенности выявил устойчиво группирующиеся друг с другом понятия (то есть те из них, которые люди в своих ответах называли одновременно) и, соответственно, людей, ориентированных на ценности, присущие всем известным идеологическим течениям – либеральному, лево-социалистическому и национал-традиционалистскому.

Так, основу "либеральной" группы составляют те, кто в первую очередь отметил такие понятия, как "свобода", "рынок", "Запад", "бизнес", "демократия". Основа второй – "справедливость", "труд", "стабильность", "равенство", "коллективизм". Третьей – "порядок", "нация", "свобода", "русские", "традиция", "патриотизм", «справедливость». Особняком стоит группа, жестко ориентированная на коммунистические идеологемы ("социализм", "коммунизм", "патриотизм", "СССР", "революция"). Лишь 5% опрошенных можно отнести к числу ее безусловных приверженцев. И наоборот, «некоммунистические левые» составляют самую большую по объему группу (19%). Соответственно «национал-традиционалисты» – 12%, «либералы» – 8%. Любопытно и то, что исследование выявило целый ряд понятий, значимых для россиян, но не коррелирующих ни с одним из вышеназванных идеологических сегментов. К числу таких "самодостаточных" понятий можно отнести, например, "мораль", "права человека", "успех".

Итак, у россиян, хотя далеко не у всех, сохраняется стремление найти в окружающем мире себе подобных, в том числе и разделяющих те же ценности и идеалы, что и они сами. Но это стремление актуализируется тогда, когда идейная общность сопрягается с реализацией каких-то более «земных», социально значимых групповых и индивидуальных интересов. В этом смысле россияне становятся достаточно прагматичными. Так, например, россияне не склонны рассматривать демократию исключительно сквозь призму «толщины своего кошелька», но все же считают, и это подтверждают все опросы, что любая демократическая система эффективна только тогда, когда обеспечивает своим гражданам приемлемый уровень жизни. И в этом они далеко не оригинальны. Актуализация же ценности свободы в значительной степени связана с тем, что она начинает восприниматься многими как некая "страховочная сетка" от окончательной узурпации власти «олигархией» и бюрократией. И, наконец, идея порядка – вполне закономерная реакция на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т. п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих идей свободы и порядка. В этой связи ставить знак равенства между этим запросом и запросом на авторитаризм, полицейщину и т. п. было бы неправильно.

Сложнее с интерпретацией запроса на справедливость. Как показывал майский опрос ВЦИОМ, для одной части россиян идея социальной справедливости увязывается с сильным государством, порядком, национальными традициями – 50%, а для другой – с демократией, солидарностью, свободой личности – 30%. Как мы видим, сторонников неоконсервативной версии справедливости пока больше, чем сторонников, условно говоря, социал-демократической. Представляется, что альтернатива «неоконсерватизм – социал-демократизм» уже в ближайшее время придет на смену конкурирующим в 90-е годы ценностям «коммунизма – либерализма». Причем, неоконсервативный сегмент уже имеет своего носителя – это, безусловно, «Единая Россия», которая сегодня мало чем отличается, например, от американских республиканцев времен Рейгана. Что же касается перспектив возникновения в России влиятельной социал-демократической партии, то они пока туманны. Претензии на занятие социал-демократической ниши «Родиной» Д. Рогозина посредством скрещивания социальных и национальных идей вряд ли дадут что-то путное. «Родина» в лучшем случае может претендовать на роль «младшего партнера» «Единой России» в консервативно-традиционалистской нише нашего партийно-политического спектра. Также россияне не верят в возможность создать социал-демократическую партию из фрагментов КПРФ. Во всяком случае, пока и Г. Семигин и В. Тихонов имеют нулевые рейтинги.

Наиболее перспективным вариантом представляется «социализация» разгромленных ныне либералов и соединение их с массовыми общественными организациями и инициативами. Пример И. Хакамады демонстрирует, что это в принципе возможно. Ее президентская предвыборная

кампания велась в классических социал-демократических традициях. Любопытно, что по данным ВЦИОМ, в июле рейтинг фактически несуществующей партии И. Хакамады «Свободная Россия» составил 4%, а «Яблока» и СПС, соответственно, 2 и 1%. Учитывая последние социальные инициативы правительства, можно предположить, что «полевение» общества пойдет достаточно быстрыми темпами. Причем не только политическое, но в каком-то смысле ценностно-эстетическое. Имеется в виду протест против навязываемого масскультом стиля и образа жизни "новых буржуа". В этой связи с большой долей вероятности можно прогнозировать переход некоторой части интеллигенции, интеллектуалов в оппозицию не только к власти, но и к этому нарождающемуся массовому сословию российских буржуа. То есть произойдет ровно то, что имеет место в большинстве европейских стран, где "постматериальные", антибуржуазные настроения господствуют в основном уже не в рабочей среде, а среди высокообразованной и "продвинутой" части общества.

Петухов В. В., директор по исследованиям ВЦИОМ. Из выступления на круглом столе в Московском центре Карнеги.